В Западной Германии, как грибы, плодятся различные реваншистские организации. Недавно в Нюрнберге состоялось совещание бывших фашистских вояк, участвовавших в битве под Сталинградом.

СЛЕТ БИТЫХ.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

КРОКОДИЛ

№ 5 (1547) • МОСКВА • ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» • ГОД ИЗДАНИЯ 37-й • ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. • 20 ФЕВРАЛЯ 1959

ВСЛЕД ЗА СКАЗКОЙ!

Поезд не торопясь шел из Москвы в Иваново. За окнами падал крупный мокрый снег. Из соседнего купе доносился яростный перестук костяшек, перемежаемый страстными возгласами:

— Дубль шесть! Я мимо! Рыба!

Шум на минуту стих, из купе высунулся взъерошенный гражданин в зебровидной сатиновой пижаме и сказал женщине, стоявшей у окна:

— Машенька, голубчик, сооруди чего-нибудь пожевать.

Женщина кивнула, а потом с горечью сказала мне:

— Если бы вы знали, как мне это надоело!

— Вы о дубле шесть?

— Нет, о пище. Как мне надоела эта вечная забота о приготовлении пищи, эта кухня, чад от плиты... Не подумайте, что я белоручка, убежденная бездельница. Я не из тех, кто проводит половину своей сознательной жизни у маникюрши и портнихи. Я инженер-технолог по железобетону и работаю на заводе не меньше своего мужа. Мы вместе возвращаемся домой, одинаково уставшие. Но дома мой муж сразу же облачается в пижаму и валится на диван с газетой в руках, а я иду на кухню хлопотать насчет обеда. Вот вам и равенство! Нет, что бы там ни говорили, а женщину надо раскрепощать вторично.

— Второй раз — от власти плиты?

— Да, освободить ее из кастрюльного плена!

— У меня есть мечта,— продолжала женщина.— Порой мне видится большой новый дом. В нем живет моя семья. При доме кухня. В ней работает опытный повар. Он готовит обеды для всех жильцов. Прихожу после работы домой, а в почтовом ящике меня уже дожидается листок с перечнем блюд. Трехминутная семейная планерка насчет меню, и вот уже сынок с судком в руках мчится за обедом! Разве это не сказка? Не голубая мечта?

— Она легко может обернуться былью,— улыбнулся я.— В Иванове, куда вы едете, организованы в многоквартирных домах такие кухни!

— Вы серьезно? Это же... коммунизм!

— Если хотите,— ростки коммунизма. Я специально еду в Иваново описать этот замечательный опыт.

Мы прибыли в город, и я отправился на Меланжевый комбинат. И я увидел материализованную голубую мечту своей попутчицы. На окраине города, недалеко от комбината, стоял новенький многоквартирный дом. На первом этаже помещалась домовая кухня. Над плитой колдовали повара в белоснежных колпаках. Рядом, в нарядном зале, жильцам выдавались обеды. Тут же шла продажа полуфабрикатов, начиная от обыкновенных котлет и кончая свадебными пирогами.

Глядя на это поистине замечательное детище ивановских общепитовцев, мы воздали хвалу их энергии и творческой фантазии. Значит, побоку магазин, базар, плиту! Так это же подлинный переворот в быту! Сколько дорогих часов — для семьи, учебы, отдыха — подарили работники общественного питания текстильщицам! Никаких хлопот и забот! Подходишь к миловидной женщине в белой форменной тужурке и получаешь положенные тебе калории в виде борщей и бифштексов. И обратите внимание: у раздаточного окна никаких очередей!

И тут, дорогой читатель, каемся: фельетонный червь сомнения шевельнулся где-то в глубине нашей души. А почему у окна нет очереди?..

Мы подходим к работнице, что приценяется к мясным полуфабрикатам.

— Не проще ли взять готовый обед, чем возиться с полуфабрикатами?

— А вы попробуйте!

Выбиваем чек, берем обед, пробуем. Сиротский суп, где на дне тарелки ясно просматривается несколько картофелин. Биточки величиной с пятачок. Отменная порция для жителя свифтовской Лилипутии.

— Ну как, не густо? — спрашивает работница.— В прошлую субботу я принесла домой обед, начала разогревать, а сын спрашивает:

«Мама, ты что жаришь, грибы?»

«Какие грибы, сыночек, мясные котлеты».

«А почему мясом не пахнет?..»

— Неужто вы думаете, что нам охота возиться у плиты? — вступает в разговор старая ткачиха Обухова.— Но что поделаешь! У меня два сына-здоровяка—такой обед им на один зуб!

Беседа с заведующей домовой кухней еще больше проясняет ситуацию. Она не собирается скрывать грустный факт: из месяца в месяц уменьшается число людей, берущих готовые обеды.

Нам жаль расставаться с голубой мечтой. Возможно, домовая кухня у Меланжевого комбината — печальное исключение.

...Мы едем в другую, что в самом центре города. Увы, и здесь количество столующихся уменьшается! Но у нас еще теплится надежда. Мы спешим в рабочий поселок. Домовая кухня и магазин полуфабрикатов № 2. Заведующий тов. Деревенцев меланхолично сообщает: куплено вторых блюд в октябре около двенадцати тысяч, в ноябре — семь тысяч двести, а в декабре — всего три тысячи.

— С чего бы это, не пойму! — говорит он.— Обеды, кажется, ничего. Проверяли нас две городские лаборатории. Анализы показали норму. Были очень незначительные отклонения по жирам и сухим веществам.

— А что говорят насчет сухих веществ жены рабочих Комбината искусственной подошвы? Завода имени Королева?

— Вот с ними мы еще не советовались. Придется созвать конференцию посетителей домовой кухни.

Конференция по сухим веществам. Слет потребителей котлет. Совещание по сборной солянке. Пленум едоков грибных супов. В глазах у заведующего возникает хищный заседательский огонек. Ему обязательно хочется ударить в вечевой колокол, чтобы определить качество обедов. Между тем выяснить этот вопрос можно и без колокола. Следует просто выйти из кабинета и спросить вон ту работницу, с кастрюлей. Она расскажет о качестве обедов обстоятельнее всякой лаборатории. Но в том-то и беда, что покинуть кабинет, оказывается, необычайно трудно. Не потому ли в областном управлении торговли, руководимом тов. Святовым, и в городском отделе торговли, возглавляемом тов. Гурычевым, и в тресте столовых, где директорствует тов. Синотагин, имеют весьма смутное и приблизительное представление о том, что делается в домовых кухнях?!

Когда мы спросили тов. Гурычева, как отзываются работницы об обедах, он, не задумываясь, ответил:

— О, женщины довольны! Сами понимаете, какое для них облегчение. Переворот в быту!

Мы называем нашему собеседнику невеселые цифры убыли столующихся. Заведующий явно озадачен. Вот так новость! Сенсация! Но он быстро берет себя в руки.

— Говорите, уменьшается? Значит, женщины переключаются на полуфабрикаты. Вполне понятно.

Мы слушаем и думаем: на самом ли деле все понятно? На самом ли деле ясны и решены все проблемы, связанные с настоящим и будущим домашних кухонь?

Как улучшить качество обедов? Как снизить их стоимость не за счет уменьшения веса блюд? Кому нужен пятиграммовый бифштекс, если он даже стоит гривенник? Значит, надо решить проблему дешевого мяса. Почему в некоторых рабочих столовых города Иванова мясо обходится в десять рублей килограмм, а в домовых кухнях — все пятнадцать? Рабочие столовые имеют свинооткормочные пункты. Весь штат — одна свинарка. Кто запретил содержать такой пункт домовым кухням? А разве нельзя было договориться высокому общепитовскому начальству с не менее высоким начальством Меланжевого комбината о снижении арендной платы? Это ведь тоже удешевило бы обед.

Всякий знает: домашний обед всегда вкуснее ресторанного. Как научить поваров, чтобы они на домовых кухнях готовили обеды по-домашнему?

Все эти проблемы висят в безвоздушном бюрократическом пространстве. Ивановские работники общественного питания не занимаются своим детищем. Оно живет без присмотра и того гляди захиреет. Кто-то невесело сострил по этому поводу:

— Они его породили, они его и убьют.

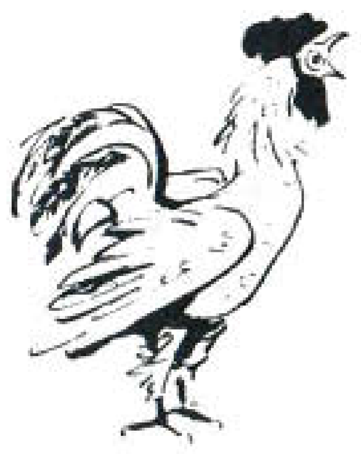
Мы настроены не так пессимистично. Домовые кухни будут жить. И не только в Иванове. Они будут обязательно созданы и в других городах. Ведь дискредитирована не идея домовых кухонь, а лишь те ивановские хозяйственники, которые так легкомысленно отнеслись к собственному, право, чудесному детищу.

С. ШАТРОВ

Москва — Иваново.

Старый Крокодил
Не разрешается публикация на сторонних сайтах без указания ссылки на первоисточник!

ПЕТУШИНАЯ



СИМФОНИЯ

РАННИМ зимним утром улицы Кокчетава огласились петушиным пением. Жители города вначале не могли понять, откуда оно доносится. А петушиный хор пел в крытых брезентом автомашинах, которые проносились по улицам города. Ехали пернатые по направлению к воротам Кокчетавского мясокомбината. Петухов везли из Арык-Балыка.

Из кабины грузовика вышел сам председатель колхоза «Красный земледелец» Петр Иванович Петренко с большой кошелкой в руках. Он направился в кабинет директора мясокомбината Нестеренко.

— Привез, говоришь, свою петушиную капеллу?

— Триста баритонов, как на подбор.

— Покажи.

Петренко нагнулся и вытащил из кошелки бородатого, с хищным, крючковатым носом широкогрудого красавца.

— Не петух, а орел!

— Да, хорош,—согласился Нестеренко,— но принять не могу.

— Почему?

— Негде мне твою птицу обрабатывать: цеха птичьего нет, разделывать петушков, курочек, уточек и гусей лапчатых наш мясокомбинат не приспособлен. Вези, друг мой, своих певцов в Петропавловск.

— В Петропавловск? Сто пятьдесят я уже отмотал да еще двести километров гнать машины?! Эдак петух дороже подсвинка станет! — ахнул Петренко.— Никуда больше не поеду!

И петухи «Красного земледельца» вернулись в Арык-Балыкский район. Рассказывают, что, оставшись в живых, они поют от радости с удвоенной энергией — от зари до зари.

Петушиная песня далеко разносится по целинным просторам Казахстана. В одной только Кокчетавской области более ста тысяч петухов.

Ведь арифметика очень проста: заложил в инкубатор десять тысяч яиц — пять тысяч петухов хочешь не хочешь, а вылупятся. Через два — три года у кокчетавцев будет два миллиона общественной птицы. Куда девать миллион петухов? Многие председатели колхозов и директора совхозов совершенно лишились сна: не дает покоя петушиная симфония.

И все-таки петушиный глас не долетает пока до Москвы, до стен Орликова переулка. Очевидно, шелест бумаг в Министерстве сельского хозяйства СССР заглушает петушиное пение, доносящееся из Кокчетава.

Начальник главной инспекции по птицеводству Колобов, услышав, что дело касается петухов, отослал нас к главному зоотехнику Иоффе. Он-де в курсе всех птичьих проблем по Казахстану.

— Вас интересует переработка птицы? — спросил тов. Иоффе.— Я могу предложить вашему вниманию постановление Совета Министров Казахской ССР от 4 мая 1958 года. Совет Министров, как видите, решил построить в течение двух лет тридцать девять пунктов и цехов по переработке птицы.

— А что построено?

— Строится птицецех в Павлодаре. А в общем, мы можем лишь констатировать, что постановление Совета Министров Казахской ССР не выполнено и птицу, действительно, сдавать некуда.

— Каковы же перспективы?

— Конкретных цифр у меня под руками нет. Вы их можете получить только в Госплане СССР.

Но и в Госплане до петушиной проблемы пока не добрались.

— Если вы хотите знать подробности,— сказал главный инженер отдела пищевой промышленности Госплана СССР тов. Семенов,— обратитесь в Госплан Казахской ССР, к товарищу Бурцеву. На местах решается теперь вопрос, на местах. Пора бы знать, дорогой товарищ!

Так петушиный вопрос, казалось, был загнан в тупик. Но давно известно, что безвыходных положений не бывает. Работники Кокчетавского областного управления сельского хозяйства нашли простой и логичный выход. Они дали команду директорам совхозов и председателям колхозов:

— Забивайте петухов на месте.

И думают даже построить трубопровод, чтобы непосредственно с птицеферм перегонять куриный бульон в Кокчетав и другие города.

И. ЗАЙЦЕВ

Кокчетав — Москва.

Планы капиталовложений совнархозов часто подвергаются изменениям. Так, план Брянского совнархоза за одиннадцать месяцев 1958 года менялся 16 раз, Пермского — 15 раз, Башкирского — 14 раз.

Сердце красавицы
Склонно к измене
И к перемене...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Кара СЕЙТЛИЕВ

ТАМАДА

Едва запахнет пловом,
Едва учует той,
Туда бежать готов он
Бессменным тамадой.
Кричит: «Ура! Победа!», —
Чуть зашипит шашлык.
Завяжется беседа,
Развяжется язык.
Находчивей поэта
Швыряет шуток медь...
Как сослуживцам это
Случилось проглядеть!
На службе он скучает,
День высидит с трудом.
Ничем он не блистает
За письменным столом.
А ведь неплохо было,
Когда бы для труда
Хотя б немного пыла
Оставил тамада.

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ.

Рисунок Е. ГУРОВА.

В своем заключительном слове на XXI съезде КПСС товарищ Н. С. Хрущев сказал: «Вот и опять ярко засверкало солнце. От начала нашего съезда и до конца оно сопутствует работе съезда».

СОЛНЦЕ:— Хорошо быть планетой в социалистической системе!

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Свыше 4,5 миллиона тонн металла уходит ежегодно в стружку. Машиностроительные заводы теряют на этом около 25 миллиардов рублей в год.

— Где же завод!
— Ушел в стружку!

Рисунок Бориса ЛЕО.

Пора начать решительную борьбу с доморощенными винокурами — этими «химиками», которые наносят ущерб здоровью людей и вредят обществу.

АЛкогольный ХИМИК.

В своей клевете на СССР югославские ревизионисты использовали в качестве «солидного свидетеля» американского сенатора Губерта Хэмфри. Как известно, этот сенатор наговорил три короба небылиц о своем пребывании в Советском Союзе, в чем превзошел даже барона Мюнхаузена.

Рекорд побит!

Рисунок Ю. ГАНФА.

СТОГЛАВАЯ ГИДРА

ИСТОРИКИ утверждают, что первый в мире циркуляр был высечен на камне. Но введение клинописи не ввергло управленческий аппарат древнего Египта в пучину бюрократизма. Причина этого отрадного явления ясна: высекать на каменных плитах справки, анкеты, инструкции было делом столь долгим и утомительным, что к моменту окончания этой египетской работы документ утрачивал всякую актуальность, хотя весомость его и не подлежала сомнению.

Тем временем человечество двигалось вперед, к неизведанным далям культуры и прогресса. И настал день, когда китайцы изобрели бумагу. Это — величайшее открытие, ибо человечество сразу же получило возможность печатать кандидатские диссертации, фуги Иоганна Себастьяна Баха и стихи Николая Доризо. Да, бумага — это было великое открытие.

Но могли ли предугадать китайские мудрецы, что их замечательный подарок будет использован не для блага, а во зло человечеству? Могли ли предвидеть они, что на вещественной основе их гениального открытия будет вскормлена и вспоена стоглавая гидра бумажной писанины, которую, кажется, не одолеть ни земным силам, ни небесным?..

Действительно, в борьбе с бумажной гидрой использованы все виды оружия.

Авторитетнейшие учреждения наистрожайше требовали сокращения и ликвидации ненужной переписки и отчетности. Общественность беспощадно клеймила бумагомарателей.

Карикатуристы изображали творцов бумажной волокиты в таком облике, что при виде их ярость достигала точки кипения. Авторы-сатирики пригвождали их к позорному столбу убийственными по силе обличения строками:

Каждый злостный бюрократ
сочинять бумажки рад...

Казалось бы, уж после этих-то строк гидру можно считать поверженной. Но нет! Как и положено гидре, после того, как все сто голов ее были осмеяны, растерзаны и отсечены, она поднимала еще никому не ведомую сто первую голову и начинала действовать в новом обличье.

Так, прикинувшись главным ревизором по безопасности судоходства Министерства речного флота РСФСР, она сочинила обширнейшую форму-макет, по которой затребовала отчеты о проделанной работе и аварийности. Отчет предполагался небольшой — страниц шестьдесят — и этого показалось мало. И вот вдогонку форме-гиганту летит дополнительное предписание за № СИ-7/299 от 24 ноября 1958 года, в котором строго-настрого предлагается осветить дополнительные вопросы, изложенные в двадцати трех разделах.

Так, преобразившись в главного бухгалтера Калужского совнархоза В. Игнатьева, ненасытная бумажная гидра набросилась на работников управлений и трестов вверенного совнархозу экономического района. Бумага, именуемая «Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности строительных организаций, подведомственных совнархозу», содержащая двадцать семь различных показателей, двадцать семь раз нарушила постановление правительства, которым строжайше запрещается измышлять какие-либо дополнительные виды и формы отчетности, помимо уже существующих.

Мало того, в ноябре 1958 года Совет Министров РСФСР указал Калужскому совнархозу на незаконность подобного бухгалтерского произвола и потребовал прекратить эту практику. Но несокрушимый товарищ Игнатьев ответил контрударом и предложил всем, всем, всем не только руководствоваться в прежнем порядке упомянутыми «Основными показателями», но и дополнительно присовокуплять к оной форме объяснительную записку в двух экземплярах. И присовокупляют! Что поделаешь!

В профсоюзах воинственная гидра тоже нашла верного оруженосца в лице инспектора республиканского комитета профсоюза рабочих пищевой промышленности Литвы Е. Безакавичуса. В свое время он направил главному бухгалтеру кондитерской фабрики «Пергале» в Вильнюсе грозное предписание за № 2. Кому посчастливилось получить предписание за № 1, нам неведомо, но № 2 требовало немедленно представить сведения:

об оплате больничных листков за полтора года (по пяти показателям);

о сверхурочных работах за четырнадцать месяцев (по семи показателям);

о выполненной работе по охране труда за четырнадцать месяцев (по пяти показателям) и т. д.

И все это помимо существующих форм отчетности. Просто так, в порядке инспекторского энтузиазма.

И невдомек ему, инспектору, что бухгалтер и те, кто будет, помимо своей текущей работы, заполнять эти формы, тоже имеют право на охрану труда. Они вынуждены из-за подобных инструкций увеличивать часы сверхурочных работ в самой бухгалтерии и — кто знает! — возможно, умножат количество больничных листков.

Усердие ревнителей писанины поистине неистощимо!

Колхозы и совхозы, удовлетворяя алчную любознательность различных вышестоящих организаций, заполняют такое количество сводок и бумаг, что площадь их скоро, чего доброго, превысит площадь озимого и ярового клина, вместе взятых.

Санатории и дома отдыха потребляют столько писчей бумаги, что она намного превышает суммарную прибавку в весе всех граждан СССР за все время их пребывания на санаторных харчах.

Даже дирекция великолепного учреждения — бассейна «Москва», который по замыслу должен приносить людям одни только радости и не доставлять никаких забот, не устояла перед соблазном, снабдив плавающих анкетой, где, помимо имени, отчества, профессии и пр., имеются даже такие графы: «национальность» и «партийность».

Наконец-то на основании изучения анкетных данных удастся установить, что 12,7 процента беспартийных белорусов плавают стилем кроль, в то время как количество коммунистов украинцев, любителей брасса, уже перевалило за 19 процентов.

И ведь кто-то сочинял эту анкету! Типография ее печатала! И люди в мокрых трусиках, недоуменно пожимая плечами, проставляют в этой анкете свой партийный стаж.

А справки? О эти справки! Можно составить специальную таблицу о справках и рекомендовать ее для изучения в школе наряду с таблицей умножения. При известной усидчивости и прилежании дети затвердили бы, что:

для получения денег за выполненную работу нужна 1 справка;
для приобретения сезонного железнодорожного билета—2 справки;
для определения ребенка в детсад — 4 справки.

И так далее...

Живет, например, человек в Большом Козихинском переулке и тащит на завод, где работает, справку из домоуправления, что он действительно живет в Большом Козихинском переулке. А на заводе он берет справку и тащит ее домоуправлению в подтверждение того, что действительно работает на заводе. А попытайся он просто сказать на заводе свой адрес, а в домоуправлении указать место работы, не поверят.

Нужны подпись и печать. И вот плодятся справки, как грибы, на радость любителям писанины...

В былые времена писали главным образом влюбленные. Теперь пишут все. Пишут агрономы, инженеры, с утра и до позднего вечера скрипят перьями врачи...

Да еще как скрипят! Мы не уверены, исписал ли Оноре де Бальзак столько бумаги за всю свою жизнь, сколько исписывает ее — только за один год! — рядовой участковый врач!

И все это обязательные бумаги: «В. срочно», «С получением сего немедленно сообщить», «При ответе ссылайтесь на наш №»...

Сколько ненужных, лишних, вредных бланков различных наименований и назначений выходит из-под типографского станка! Сколько тысяч тонн бумаги расходуется на бюрократические излишества! И — что самое главное — скольких человеческих усилий, хлопот и нервов стоит удовлетворение аппетитов стоглавой бумажной гидры!

И кажется некоторым людям, что борьба с нею почти безнадежна. Но так ли это?

Мы не случайно начали наше повествование с древних египтян. Что, если...

Да, что, если попытаться умертвить гидру голодом? Пусть строительные тресты и домоуправления перейдут на клинопись. Пусть докладные записки пишутся отныне на бересте, авансовые отчеты составляются на папирусе. Иными словами, надо сделать так, чтобы гидра лишилась главного — бумаги. Пусть острый приступ дистрофии сведет ее, треклятую, в могилу!

Не кажется ли тебе, дорогой читатель, что в этом, на первый взгляд фантастическом предложении содержится, выражаясь языком философов, некое рациональное зерно?

Бор. ЮДИН

Дорогому Крокодилу

ПО МАРШРУТУ АЛТАЙ—«АЛТАЙ»

КАК ВСЕГДА, В ДОРОГУ!..

Мы не ехали открывать полюс недоступности или ловить кашалотов. Нас не провожала медь духового оркестра. Цветов тоже не было. Жены наспех втискивали в портфели домашнюю снедь и сухо напутствовали:

— Помни, что постоянная прописка у тебя барнаульская!

— Надумаешь купить Митеньке сандалии, бери на два номера больше. Когда вернешься, как раз будут впору...

Мы ехали в Москву, в Госплан РСФСР. Нам предстояло выколачивать мешки, выбивать стекла, вытягивать резину, проворачивать подшипники, иначе говоря, утрясать сотни вопросов снабжения и сбыта. Мы поклялись не оставлять друг друга в беде, хотя и были посланцами разных отделов Алтайского совнархоза...

ТРИ КИТА И ТАРА

Дело снабжения тарой держится в Госплане на трех китах. Названия этих китов напоминают удары в барабан: Росглавлесоснабсбыт, Роспищеглавснабсбытсырье, Росглавбумснабсбыт. Первый снаб ведает ящиками, второй — коробками, третий — бумажными мешками. Насчитав в трех наименованиях шестьдесят одну букву, мы решили для экономии времени называть их между собой Главящик, Главкоробка, Главмешок. Но это нас не спасло — экономии времени не получилось. Мы попали в самый разгар межведомственной междоусобицы. В табачном дыму дискуссий переходил из рук в руки вопрос о сигаретах Бийской фабрики нашего Алтайского совнархоза. Ранее запланированные сигареты надо было паковать...

— В ящики! — восклицала Главкоробка.

— В коробки! — наперекор ей настаивал Главящик.

Каждый «сбыт» старался отыграться за счет соседа.

Возможность получения папиросной тары растаяла, как дым.

Папиросы, конечно, зло. На худой конец пускай им не будет ни дна, ни покрышки (ни фанерной, ни картонной). Другое дело — соль. Тут уж двух мнений быть не может. У нас на Алтае говорят: без соли и стол кривой.

В солонках всей Сибири, всего Дальнего Востока насыпана соль Бурлинского промысла. Грузить ее надо...

— В мешки! — указывал Главящик.

— Только в ящики! — категорически утверждал Главмешок.

Пять месяцев бесплодных попыток согласовать работу снабженческих китов Госплана окончились печально. Бурлинский солепромысел, накопив к январю на складах тридцать миллионов килограммов соли, прекратил помол. Зато десятки тысяч рублей перемалывали телеграммы, звонки, командировки Барнаул — Москва. Пуды соли съедали командированные и уезжали несолоно хлебавши.

КУДА ТЯНЕТСЯ РЕМЕНЬ

Но мы должны были не только увязывать мешки с ящиками. Алтайский вагоностроительный завод передал в наши руки судьбу нарядов на фанеру. Рубцовский тракторный жаждал резиновых деталей, Барнаульский прессовый — подшипников. Да разве они одни с надеждой взирали на нас?!.

Пути снабженцев неисповедимы. Маршрут Барнаул — Москва — это иногда лишь разгон, небольшая разминка перед главным стартом.

В прошлом году инициатором пробега выступил Главхимснабсбыт. Переходящим кубком служил наряд на приводные ремни.

— Раз, два, три! — скомандовал Главхимснабсбыт.— Вперед! За ремнями! В Свердловск!

— Ни лычка вам, ни ремешка! — встретили нас в Свердловске.— Пока вы к нам ехали, ваши наряды в Ярославль уехали! Не взыщите, Госплан распорядился!..

— Приводные ремни? — удивились в Ярославле.— Да мы их никогда не делали... Может быть, Оренбург вам поможет?.. Привет!

Поехали в Оренбург...

Полгода длился этот нелепый межобластной пробег, месяцами лихорадило Барнаульский завод механических прессов.

На какие только жертвы не пойдут заводы, спасая свою программу! Около шести миллионов рублей ухлопали в прошлом году на перевозку самолетами подшипников, ремней, деталей. Даже электродвигатели, весом в десятки килограммов, совершали перелеты на «ТУ-104».

Мы должны были оградить алтайские заводы от повторения в новом году снабсбытовой чехарды!

ДОМ НА ПЛОЩАДИ, ИЛИ ШЕКСПИР В ГОСПЛАНЕ

В Барнауле провожали нас без цветов, в Госплане РСФСР встречали сурово и недоброжелательно. Строгий приказ гласил: «Командировки без вызова не отмечать!» Приказ был предельно ясен: сделать вид, будто к нашему пребыванию в Москве Госплан РСФСР не имеет никакого отношения. Будто толпы командированных — всего лишь обман зрения! Зайдешь в какой-нибудь кабинет и стоишь, как тень отца Гамлета. Разговаривать с тобой разговаривают, даже спорить разрешают, а, с другой стороны, командировка не отмечена, ты как командировочная единица для Госплана не существуешь. И вопрос тебя мучает тоже шекспировский: быть или не быть... наряду на проволоку?

Да, строгость Госплана имеет ряд удивительных свойств.

С педантичной точностью строго-настрого запланировали Алтайскому совнархозу сто сорок автомашин. В течение всего года с карандашом в руках и с дрожью в голосе мы доказывали свои потребности. Мы призывали в свидетели небо и наших плановиков, мы хлопали нормативами по столу и шапками об пол. В конце концов, вместо ста сорока получили четыреста шестьдесят желанных машин...

Кому нужна такая «резиновая» строгость?

Для чего снабсбытовые киты перебрасывают, как мячик, наши заявки?

Зачем весь год менять поставщиков, устраивая тысячекилометровые межобластные пробеги?

Зачем заставлять нас выколачивать, выбивать, проталкивать и проворачивать, если можно составить по-настоящему строгий, четкий и незыблемый план снабжения?

Наше рабочее место в Алтайском совнархозе, а не в Госплане РСФСР. Мы должны жить на Алтае, в Барнауле, а не в московской гостинице «Алтай»!

Н. ГОЛОВИН, начальник отдела лесных и строительных материалов,
Л. КЛИМАНОВ, заместитель начальника Управления материально-технического снабжения,
С. ЛИ, инженер Барнаульского завода мехпрессов,
В. РЫМАРЬ, старший инженер отдела химии.

Алтайский совнархоз.

ОТ КРОКОДИЛА

Получив письмо алтайцев, я отправился в Госплан РСФСР. Было еще только девять часов утра, но волна командированных уже захлестнула коридоры, лестничные клетки, клуб и зал заседания. Да, посланцы Алтая были не одиноки. Управляющий делами Госплана А. П. Климкин произвел примерный расчет. Из совнархозов и облисполкомов уже прибыло более тысячи человек. Под письмом алтайцев смело могли бы подписаться кемеровцы, горьковчане, челябинцы...

— Трудно нам приходится, дорогой Крокодил! — изливал мне душу начальник Управления снабжения Татарского совнархоза З. Л. Цырин.— Нефтяники Госплана подтвердили наши заявки на тридцать тысяч тонн труб, а в отделе металлов того же Госплана уверяют, что нам хватит и семи тысяч. Согласовывай, доказывай... А сколько на это время уходит!

— Правильно! — горячо поддержал его А. С. Волков, начальник Управления снабжения Башкирского совнархоза.— Не знаем, когда уедем... Эх, если бы отделы Госплана договорились между собой! Нам бы здесь делать было нечего!..

А ведь действительно вместо дальних командировок и разъездов можно легко и просто организовать командировки в пределах одного здания. Из комнаты в комнату, с этажа на этаж—для согласования работы отделов и подотделов.

Может быть, такие командировки послужат началом плановой работы самого штаба планирования.

Валентин ЛАГОДА

В ТРИНАДЦАТЬ ХОДОВ

Оторвался он от масс —
Раз.
Закружилась голова —
Два.
Взятки! Что ж: дают — бери! —
Три.
Зажил он вольготней, шире —
Четыре.
Стало взяток не хватать —
Пять.
Вскоре стал главбухом тесть —
Шесть.
Завладеть решили всем —
Семь.
Хапнуть в кассе удалось им —
Восемь.
Что бояться! Сват в суде ведь! —
Девять.
Стали пить да куролесить —
Десять.
Все грехи прикрыты ловко —
Рокировка.
Но пришел контроль на днях —
Шах!
Не спасли ни сват ни блат —
Мат!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

С. АБДУКАХХАР

Река и ручей

В ночи шел сильный дождь, и вот
(Естественное следствие дождей)
С холмов, журча, бурля, течет
Невзрачный, маленький, но все-таки Ручей.
Гордясь своею вспененной водой,
Скатился Ручеек в долину
И встретился с могучим исполином —
Широкой, многоводною Рекой.
И говорит Ручью могучая Река:
— Сливайся, друг, со мной: сильна я, глубока,
В одном тебе большого толку нет!
А вместе мы бы дали людям свет.
— Сливаться! Вот еще! — напыжился Ручей.—
Мне лучше одному. Журчу ни твой, ничей;
Теку, куда хочу, спокойно, неторопко;
И хоть не то, что ты, а все-таки, гляди,
И я немалый груз колышу на груди.
(А плыли по нему гнилой сучок и пробка.)
Река послушала, подумала: «Хорош!»
— Что ж,— говорит,— теки, куда течешь!
И чванный Ручеек потек своим путем.
Тек час, другой и третий, а потом...
В горячий полдень вмиг утратил спесь —
Распался лужами и вскоре высох весь.
Ручья не жаль. Зачем жалеть глупцов!

Ну, а мораль! Мораль ясна без слов.

Перевод с узбекского В. ЛИПКО.

БЕЗ ТРАНСПАРАНТОВ!

ПРЕДСТАВИМ себе, что некий актер вдруг заявляет администрации:
— Я по специальности трагик. А в этой роли есть лирические сцены. Дайте мне зама по лирической части! И гоните еще одного заместителя по юмору! У меня тут целых пять комедийных реплик...

«Трагику» немедленно положили бы лед на голову и начали измерять температуру. А вот в наших учреждениях таких анекдотов еще много. Бывает, что директору и одному-то делать нечего, а ему дают еще заместителя и двух начальников отделов. И у директора появляется работа: он начинает руководить подчиненными...

Хорошее предложение выдвинул в Крокодиле зам. председателя Госплана СССР В. П. Зотов насчет крокодильского миллиарда экономии. Мне кажется, что вашим корреспондентам следует поискать взносы в счет этого миллиарда также в театрах, на киностудиях и в художественных организациях.

Вспоминаю, что в те годы, когда на сцене Малого театра появились «Любовь Яровая», «Огненный мост» и другие замечательные пьесы, в аппарате театра не было специальной литературной части. Теперь же у нас целый литературный отдел с тремя штатными единицами. А вот хороших пьес что-то маловато.

И когда со сцены доносится вдохновенная выдумка Хлестакова: «...курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!..» — мы, работники театра, невольно вздрагиваем: уж не по нашему ли это адресу?

Впрочем, у нас как раз по курьерской части все благополучно... Зато много развелось в театрах отделов и подотделов, заведующих и заместителей по административной, снабженческой, хозяйственной части... В тридцатых годах штаты были намного скромнее. Тогдашние заместители директоров не гнушались лично и лес для декораций доставать, и заниматься калориферами, и пропуска на спектакли выдавать...

Сидят в аппарате театров очень любезные, неплохие люди. Надежные. Заполнившие анкеты. Но нет в этих анкетах весьма существенного вопроса:

«Любите ли вы театр и с какого года? И как: самозабвенно или по расчету?»

Да! Все, кто работает в театре, должны быть в него пламенно влюблены!..

И вот, при сокращении штатов, нужно самым бережным образом относиться к таким верным служителям Мельпомены. А то, чего доброго, могут найтись ретивые администраторы, которые возьмут да вообще сократят амплуа комических старух или благородных стариков!..

Справедливости ради следует сказать, что не одни театры грешны по части излишеств. Когда я приезжаю сниматься на «Мосфильм», мне сразу бросаются в глаза световые транспаранты: «Тише! Идет съемка!» Они горят на каждом шагу. Рядом с ними стоят штатные дежурные (назовем их условно «заведующими тишиной»). Однако стоит начаться съемке, как откуда-то с крыши раздается отчаянный грохот.

Точно такая же картина в студии звукозаписи (здание Центрального телеграфа на улице Горького). И здесь исправно горят световые сигналы: «Тише! Идет запись!» День-деньской дежурят непреклонные борцы с шумом. Впрочем, они напрасно стараются. Всем известно, что в «час назначенный» на кухне столовой в соседнем подъезде непременно начнут рубить капусту. Дробный перестук ножей портит очередную запись...

И так повторяется изо дня в день, на моей памяти, уже двадцать лет. Неужели за этакий срок нельзя было что-нибудь придумать?

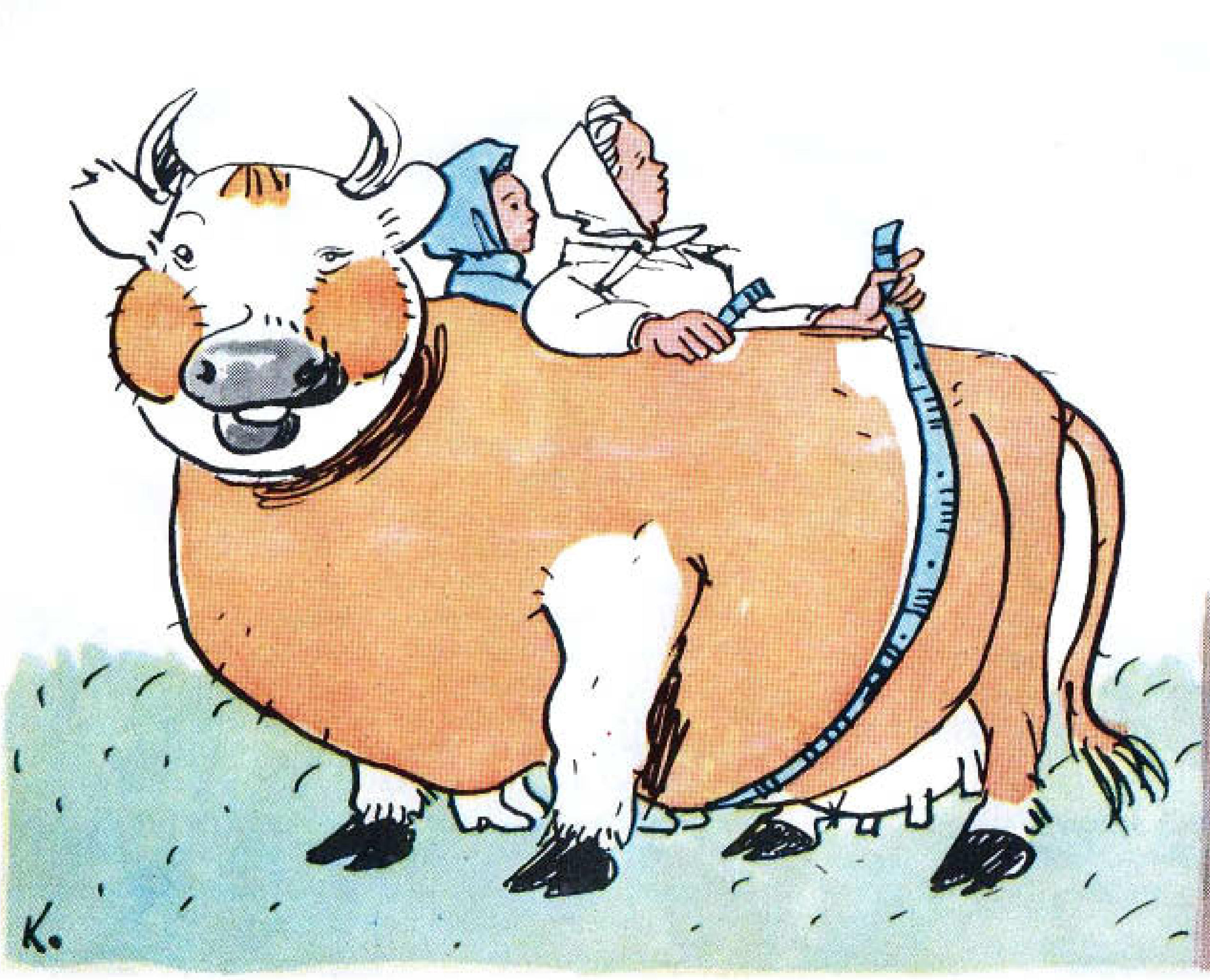
Партия открыла перед нами самую захватывающую книгу современности — новый семилетний план. Он окрыляет людей, захватывает дыхание, обостряет зрение! Так оглянемся вокруг, и мы заметим еще непорядки в нашем огромном советском доме.

И давайте договоримся: обнаружив их, не сооружать световые транспаранты с лозунгами: «Ударим по недочетам и излишествам!» Условимся устранять их немедленно, прекращать разбазаривание народных денег. Безо всяких транспарантов!

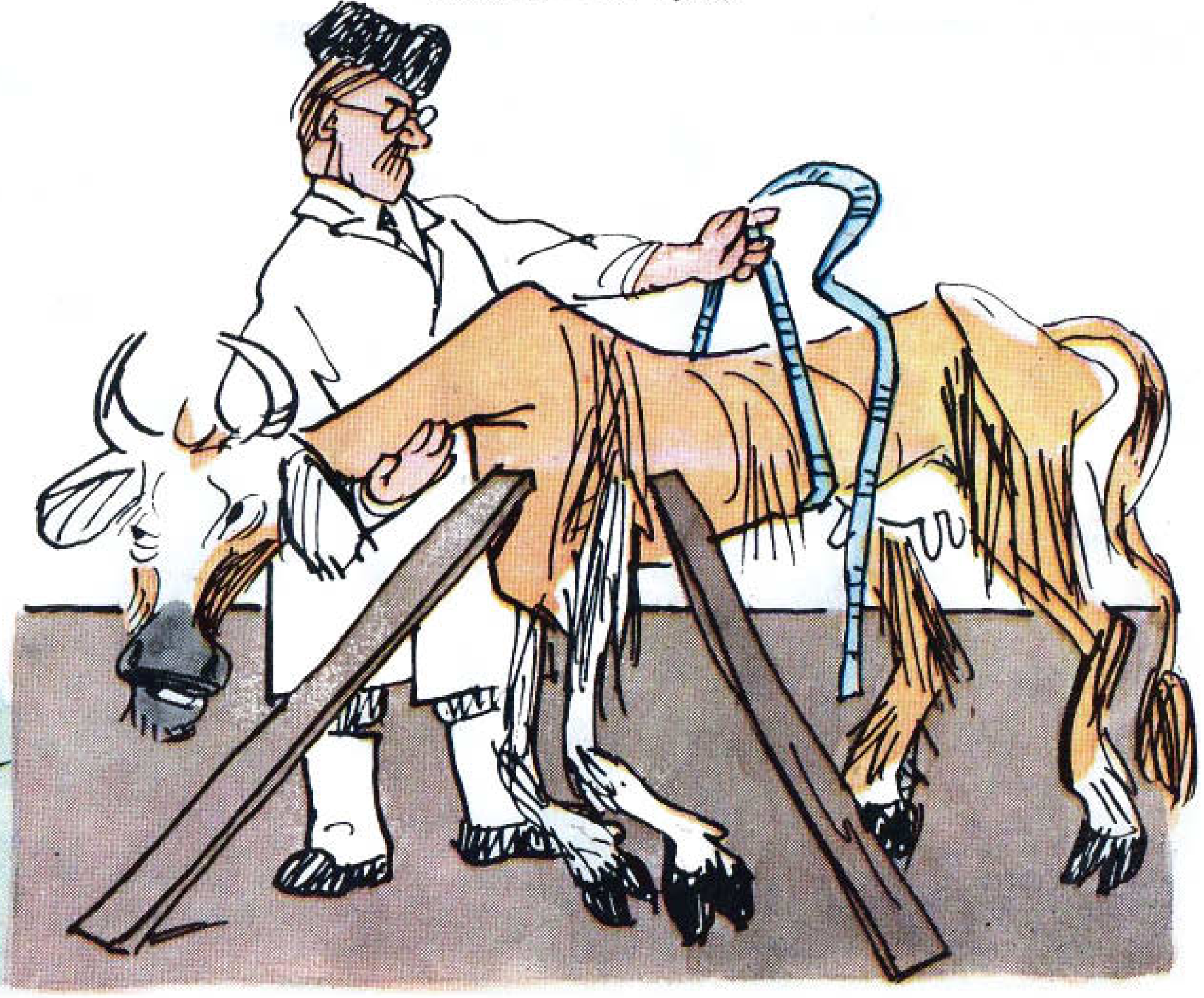
ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В третьем квартале 1958 года на мясокомбинаты Архангельской области было сдано 65 проц. скота ниже средней упитанности, в Вологодской области — 64 проц. и в Брянской области — 63 проц.



В КОЛХОЗЕ
Живой вес.



НА МЯСОКОМБИНАТЕ
Чуть живой вес.

Евгений ПЕРМЯК

ТУФЛИ ГОГОЛЯ

НЕКОТОРЫЕ обстоятельства вынуждают нас несколько видоизменить имя, отчество и фамилию героя этой не совсем обычной истории, что, впрочем, не может повлиять на динамический ход развертывания событий, излагаемых в протокольной последовательности.

После того как Алексей Наркисович Соснин — зубной техник-асс и известный в узком кругу золотых дел мастер оказался щедро вознагражденным за многолетние труды, в его жизни произошли кое-какие отклонения.

Отклонения начались с того дня, когда к нему зашел шапочный знакомый и предложил перо, которым Антон Павлович Чехов написал свою знаменитую пьесу «Чайка».

У Алексея Наркисовича уже были две литературные реликвии: автограф Алексея Максимовича Горького и тарелка, на которой однажды ел блины в Центральном доме литераторов Алексей Николаевич Толстой. Присоединить к этому чеховское перо показалось очень заманчивым, и Соснин приобрел третью реликвию.

Не будучи ботаником, трудно объяснить, что представляют собою спящие почки и когда они просыпаются к жизни. Наверно, они наличествуют в каждом живом существе, как и в Алексее Наркисовиче. И одна из них, почка коллекционирования, чего, может быть, не заметил ее обладатель Соснин, лопнула в день покупки чеховского пера, затем стремительно пошла в рост и потребовала жизненных соков. Видимо, это и заставило Алексея Наркисовича обогатиться тростью Бунина, пепельницей Куприна и цепочкой от часов Мамина-Сибиряка.

Спрос всегда был отцом предложения. Этот объективно действующий закон стал причиной того, что у Соснина начали появляться наипестрейшие по анкетным данным субъекты. Они доставляли ему не только мелкие, но и громоздкие предметы, принадлежавшие ранее известным и великим писателям. Так в квартире Алексея Наркисовича появились огромный платяной шкаф Боборыкина, кровать Мельникова-Печерского, доподлинный прототип дивана, описанного Гончаровым в романе «Обломов», вешалка из передней Владимира Ивановича Даля и, наконец, кресло из пензенской квартиры Салтыкова-Щедрина.

После того как Ай (о нем впереди) раздобыл столовую из петербургской квартиры Панаевых, где часто обедал Некрасов, в трехкомнатной квартире Сосниных стало невыносимо тесно. Поэтому впредь до получения новой квартиры Алексею Наркисовичу пришлось переключиться на коллекционирование носильных вещей писателей. Они не занимали много места. Ай добывал их с меньшими трудностями и большим успехом.

Теперь об Ае. Ай Касимович Гитиатуллин, управляемый тем же законом спроса и предложения, придя в квартиру Соснина, отрекомендовался профессиональным шурум-бурумщиком, отдавшим своему трудному ремеслу двадцать один год жизни. Он назвал уважаемые имена, поставщиком которых имел честь быть, и предложил на первый случай Алексею Наркисовичу шубу Ивана Сергеевича Тургенева, сшитую неизвестным портным в Париже.

— А откуда у вас эта шуба? — осторожно осведомился своим тихим и певучим голосом Алексей Наркисович.

— Трофейный товар,— ответил Ай.— Фашистский оккупант в город Париж гулял. Шубу украл. Русский литературовед солдатом был. Фашистский оккупант в плен попал. Литературовед шубу конфисковал.

— А как вы докажете, что это тургеневская шуба? — задал вполне естественный вопрос Соснин.

— Зачем доказывать? Сам увидишь! Воспоминания читай. Картинку смотри. Пуговица в пуговицу. Шов в шов. Через неделю принесу.

— Почему же через неделю?

— Цену сбиваю. Литературовед пятнадцать тысяч хочет. Я двенадцать даю. Через неделю у него очередь в автомобильном магазине подойдет. Деньги вот так будет нужно. За тринадцать обязательно отдаст.

В напряженном ожидании прошла неделя. Ай сдержал слово. Он выторговал шубу за тринадцать тысяч.

Шуба, как и ожидал Соснин, оказалась великовата. Иван Сергеевич Тургенев был шире в плечах и выше Соснина. Но нельзя же было перешивать уникум! Алексей Наркисович решил носить ее такой, какая она есть.

Знакомые стали допытываться, почему так странно одет Алексей Наркисович. Особенно любопытствовали они после того, как на голове Соснина появилась знаменитая некрасовская шапка. Соснин, боясь открыть правду, умело отшучивался.

Ай Касимович стал незаменимым помощником в собирании редкой коллекции. Именно такой человек и нужен был Алексею Наркисовичу.

Соснин, уважая чужую тайну, не допытывался, у кого, как и за сколько приобретал Ай ту или иную реликвию, хотя и проверял его иногда. Подослав Ая как-то к своим знакомым, чтобы купить галстук Александра Блока, Соснин убедился, что Ай, кроме оговоренных десяти процентов, не нажил ни копейки. Такую же проверку он устроил с приобретением фуфайки Станюковича, которую решил подарить старшему сыну, плававшему на Балтике. Ай точно назвал те три тысячи рублей, которые он и заплатил за нее вместе с листком из дневника известного писателя-мариниста.

Соснина нельзя было упрекнуть в эгоизме. Обставляя и одевая себя, он не забывал своей милой и единственной Софьи Ивановны. Он и ее окружил вещами, принадлежавшими ранее известным писательницам, женам писателей и предметам их воздыханий. Ни у кого, кроме супруги Соснина, не было платья Анны Керн. Может быть, именно в нем вдохновила она Пушкина на стихи «Я помню чудное мгновенье». Только у нее, у Софьи Ивановны, был капот Клавдии Лукашевич, казакин Лидии Чарской, веер мадам Виардо, коврик из спальни Ганской — жены Оноре де Бальзака, перчатки самой Софьи Андреевны Толстой и... многие другие предметы одежды, о которых принято сообщать только на ушко.

Софья Ивановна, чувствуя некоторую брезгливость к Аю, сумела побороть ее, особенно после того, как Ай напал на след домашних туфель Николая Васильевича Гоголя. В коллекции Соснина не было ни одной гоголевской вещи.

Туфли, как сообщил Ай, некогда были проданы одной миргородской прапрародственницей великого сатирика умершему ныне киевскому гоголеведу, который при жизни перепродал их артисту Одесской оперы. А тот оставил их во время эвакуации, и туфлями воспользовался заведующий литературной частью театра, вскоре продавший их букинисту за десять банок тушенки и три буханки хлеба. Букинист уступил туфли всего за пять тысяч перед денежной реформой известному гинекологу и собирателю редкостей. А тот, связавшись теперь со строительством дачи, согласен был отдать их за семь тысяч. Но так как он боялся продать эти туфли лично, то решил сбыть их через третье лицо. А третье лицо, опасаясь судебных последствий, требовало три тысячи за риск.

У Алексея Наркисовича не оказалось таких денег в наличии. И если б не обширные знакомства и безупречное кредитоспособное имя Соснина, то, может быть, эти туфли и не появились бы в его квартире.

Выпроводив Ая, счастливый, сияющий Алексей Наркисович стал примерять туфли. Они оказались почти по ноге. Это дало возможность установить, что Николай Васильевич носил обувь на один размер меньше, нежели Алексей Наркисович.

Вечером Алексей Наркисович при идиллически-мягком свете масляной лампы Баратынского, надев халат Писемского, принялся разгуливать по лесковскому ковру в гоголевских туфлях. При этом он испытал такую сладость ощущений, что ее едва ли смогли бы передать на бумаге все те писатели, имена которых были связаны с вещами, занимающими пять комнат и переднюю новой квартиры Соснина.

Разгуливая, Алексей Наркисович запнулся за кромку ковра и оторвал подошву правой туфли. Это было очень печально, но вовсе не трагично. Подошву можно было пришить. И, соображая, как это сделать лучше, рассматривая правую туфлю, Соснин заметил, что стелька изнутри оклеена газетной бумагой. Любознательный Соснин еще немного оторвал подошву, чтобы прочесть газетные строки времен Гоголя. И ему удалось прочесть обрывок одной строки, из которого значилось, что «...колхозники Днепропетровщины должны...» А что именно они должны, Соснин не стал выяснять: наступило мгновенное просветление...

Теперь нужно было уличить Ая и привлечь к ответственности. На другой день утром позвонил Ай. Ни разу не оскверненный бранным словом, телефонный аппарат, принесенный в квартиру Соснина при посредстве Ая из номера гостиницы «Москва», где останавливался Михаил Александрович Шолохов, передал теперь такой каскад ругательств, которые в переводе на лошадиные силы могли бы сдвинуть и протащить два — три километра поезд в сорок четырехосных вагонов.

Из этих слов некто в элегантном пальто и велюровой шляпе понял, что намеченная им продажа дуэльного пистолета Лермонтова и очков Грибоедова не может состояться. И он уже без акцента произнес слова, полные желчи и сарказма, затем повесил телефонную трубку с тем, чтобы больше никогда не звонить Соснину и не появляться в его квартире ни в своей личине, ни старьевщиком под именем Ай.

ВДОЛЬ ДА ПО БРОДВЕЮ

Рисунок И. **СЕМЕНОВА.**

Вот мчится тройка удалая...

Мих. РАСКАТОВ

ПОПРАВКИ К НАДБАВКЕ

О тех надбавках, скажем смело,
Слыхали все. И не пора ль
Внести поправки в это дело,
А также вывести мораль!

Итак, отбросив все сомненья,
Примите наши предложенья.

Пусть тот, кто знает дела важность,
Надбавку требует за влажность,
Коль проживает у воды.
(К воде относятся пруды,
Озера, реки и речушки.)
Живет у моря — счет другой:
Там плюс надбавка за прибой,
За пляж, за солнце, за ракушки.

Платить должны и за осадки:
За снег в Москве и на Камчатке,
За ливень в Туле и Моздоке,
За дождик во Владивостоке.

Но чтобы принцип соблюсти
И справедливость не нарушить,
Надбавки надо бы ввести
Командированным к тому же.

Тому, кто полетит на «ТУ»,
Должны платить в момент отлета
За быстроту, за высоту,
За реактивность самолета.

А если в поезде пришлось
В командировку ехать долго,
Заплатят и за стук колес
И за места на верхней полке.

Все это шутки.
А всерьез
Известно каждому, что внес
Народ-творец свои поправки:
Давно уж «дальность» не вопрос!
Давно уж «север» не вопрос!

А если так, к чему ж надбавки!

Рисунок художника ЛОУ.

Неудержимый поток...

Поездка А. И. Микояна в США широко освещалась в зарубежной печати. Рисунки, которые мы печатаем сегодня, были опубликованы в «Дейли экспресс» и «Нью-Йорк таймс».

В ПОИСКАХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ...

ДАВНО уже до американского конгресса доходили слухи, что в США «немножко обижают негров»: то убьют негритянского мальчика, то засадят в тюрьму ни в чем не повинного старика, а то просто возьмут и лишат права голоса сразу несколько миллионов человек только потому, что у них черная кожа.

— Может ли это быть? — удивлялись наивные дяди из американского конгресса.— Ай-яй-яй! Чтобы в нашей высокодемократической стране — и вдруг такие несправедливости! Наверное, это все выдумки злонамеренных элементов! Не исследовать ли нам этот неясный вопрос и не внести ли в него ясность?

И вот было решено образовать специальную комиссию конгресса, которой предлагалось выяснить, наконец, существует ли в Америке дискриминация негров.

Комиссия приступила к работе — пять белых и один негр — Эрнест Уилкинс. Последний был, разумеется, включен в ее состав, чтобы ни у кого не возникло подозрений, будто мистеры члены комиссии, упаси боже, необъективны.

Было решено предпринять поездку в город Монтгомери, расположенный в штате Алабама. Злые языки утверждают, что расисты в этом городе ведут себя особенно нагло. Так что выезд комиссии в Монтгомери должен был, очевидно, рассеять мрачную славу этого города.

Поначалу все шло хорошо. Представители городской администрации встретили господ из Вашингтона еще на вокзале и с места в карьер принялись убеждать их в своей преданности демократии.

— Дискриминация негров?! — восклицали отцы города.— Помилуйте, и в помине нет! Специальные места в автобусах и трамваях? Так то же в порядке заботы о чернокожих, чтобы их меньше толкали! Запрещение селиться вне специальных районов? Исключительно в целях сохранения здоровья. Негритянское гетто расположено на окраине, там чище воздух!

Наивные дяди из комиссии конгресса довольно улыбались и доверчиво заносили все эти рулады в свои записные книжечки.

Так, приятно беседуя, они подъехали к главной городской гостинице. И тут случилось непредвиденное: швейцар категорически отказался пропустить джентльменов.

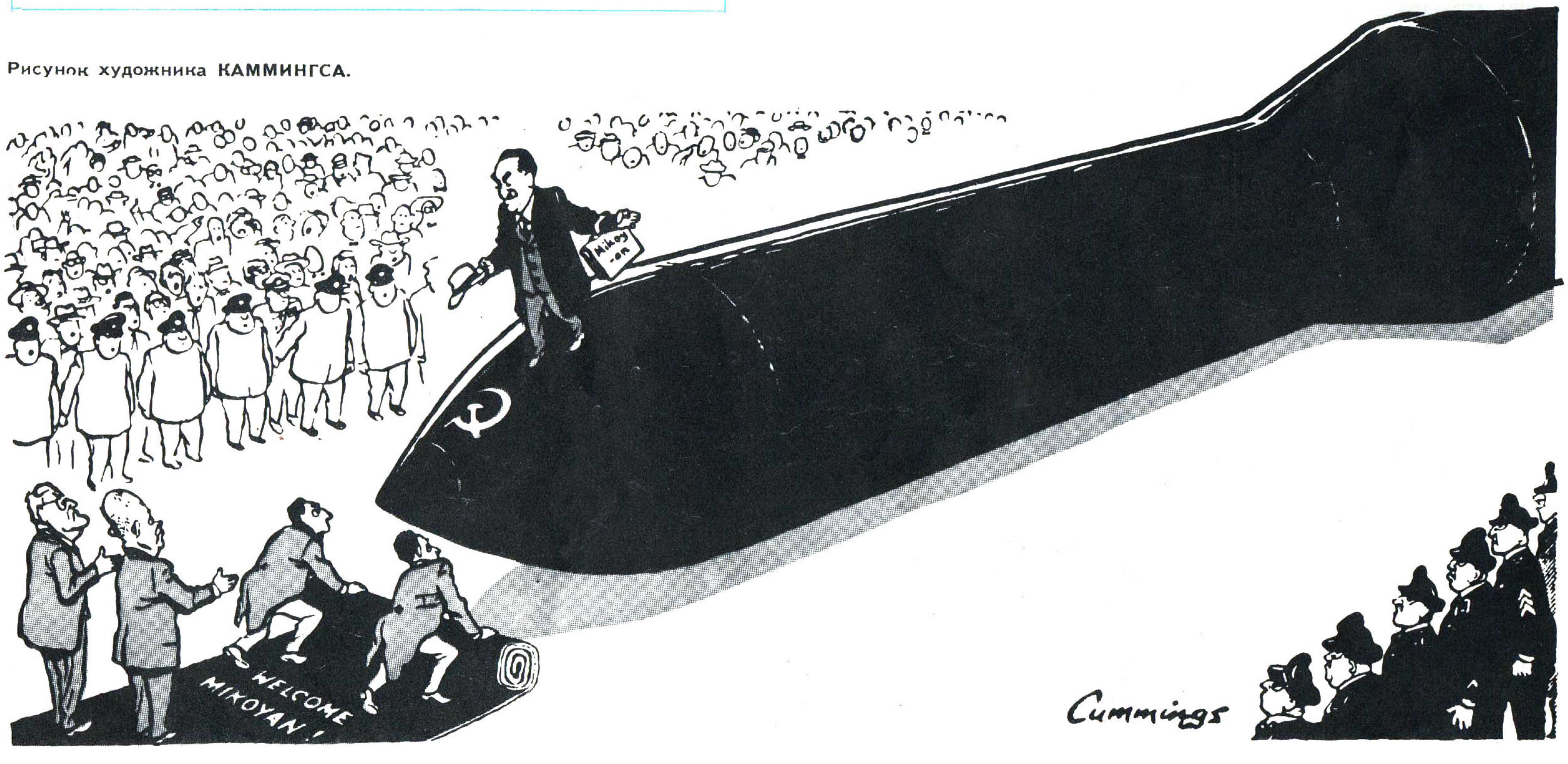
— Убирайтесь отсюда подобру-поздорову! — мрачно заявил он. — Суетесь в приличное место вместе с черномазым.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщает, что комиссия конгресса, поскольку одним из ее членов был негр Уилкинс, не смогла расположиться ни в одном из отелей города Монтгомери и вынуждена была обосноваться за пределами городской черты, на военной базе в Максуэлле.

Вот и пришлось вашингтонским «борцам против дискриминации» совершать ежедневно многокилометровые переезды в Монтгомери и обратно—в свою загородную казарму. Говорят, впрочем, что данные, собранные комиссией, свидетельствуют о полном равноправии негров в Америке...

Валентин ЗОРИН

Рисунок художника КАММИНГСА.



— Прошу вас не беспокоиться, мистер президент, я привез свой собственный ковер-самолет.

Альберт КАН

ПОСЛАНИЕ ЧАСТНОГО ЛИЦА

Я НАДЕЮСЬ, что не покажусь слишком самонадеянным, если я, частный гражданин Соединенных Штатов Америки, обращусь с посланием к правительству Советского Союза. Я поступаю так лишь потому, что считаю поднятую мною проблему чрезвычайно важной и заслуживающей самого пристального внимания.

Я должен в самом начале категорически заявить, что послание составлено мною без какой-либо консультации с государственным департаментом США. Взгляды, выраженные ниже, являются целиком моими собственными, и я беру на себя полную ответственность за них.

Недавно в качестве гостя Союза писателей СССР я провел в России около пяти недель. Это была первая моя поездка в вашу страну, и в целом мои впечатления самые благоприятные. Однако перед отъездом я заболел. Врачи поставили диагноз: «Нервное истощение». Я заметил, что и другие иностранные гости в Советском Союзе были поражены этим же недугом. Большинство из них, как и я, были в СССР впервые. В результате тщательнейшего изучения историй как их болезней, так и моей собственной я открыл вирус этого заболевания.

Цель моего послания как раз состоит в том, чтобы подвести итоги моих наблюдений и рекомендовать возможные профилактические меры для защиты будущих гостей.

Позвольте мне кратко суммировать симптомы своей болезни. С первой минуты прибытия в Советский Союз я находился в состоянии сильнейшего возбуждения. Со всех сторон меня окружали чудеса. А чудеса, как известно, усваиваются человеческим организмом с трудом, особенно в больших количествах. Необычайные вещи, которые я видел на каждом шагу, приводили меня в такое волнение, что я с трудом мог есть и почти полностью потерял сон. Ночью меня преследовала картина виденного днем, а днем за обедом я с чудовищной быстротой пытался одновременно проглотить первое и второе, боясь пропустить еще одно новое волшебство.

Советские граждане, как я заметил, оставались совершенно спокойными. Они относились ко мне со вниманием и гостеприимством, не отдавая себе отчета, что моя нервная система с каждым днем все больше расшатывалась и что косвенно, через свои достижения, виноваты в этом они сами.

Спустя примерно неделю я пошел к врачу. Он дал мне снотворные таблетки и какую-то горькую микстуру. Улучшение, однако, было временным. Тогда другой доктор прописал мне еще более горькую микстуру и еще бо́льшие таблетки. Но исцеление не наступило. Примерно через месяц я почувствовал, что положение становится угрожающим. Меня осмотрел целый батальон специалистов и вынес приговор: немедленно отправить в дом отдыха. Там мне сказали, что я должен воздерживаться от работы и сосредоточиться на отдыхе. Но произошло нечто совершенно неожиданное. Самый дом отдыха так поразил меня, что я совсем забыл от отдыхе. Он был таким комфортабельным, находился в такой живописной местности и обслуживался таким милым и заботливым персоналом, что я не выпускал из рук карандаш и блокнот, делая без конца заметки. И не удивительно: ведь такого дома отдыха я не видел никогда в жизни.

И только сейчас, спустя несколько недель после моего возвращения в Америку, я чувствую, что моя нервная система постепенно успокаивается.

Что можно предпринять, чтобы не допустить такого «нервного истощения» у гостей, приезжающих в Советский Союз?

По своему опыту я утверждаю, что успокаивающие лекарства неэффективны, и предлагаю следующее:

1. Группа советских врачей должна немедленно предпринять изучение эффекта, оказываемого на психологию, эмоциональную сторону характера и физическое состояние иностранных туристов необычайными достижениями, с которыми они сталкиваются в СССР.

2. Эти врачи должны создать сыворотку для прививок туристам. Туристы должны получать уколы до приезда в СССР, чтобы их нервная система была подготовлена к потрясению, которое ожидает их. Возможно, для полного иммунитета потребуется несколько прививок.

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что, если американским гражданам будут делать прививки еще на территории США, потребуется какое-то соглашение с соответствующими американскими властями. Я не предвижу никаких затруднений, ибо наше правительство неоднократно указывало на свою заботу о здоровье американцев, едущих за границу.

Приложение.

Еще одна дополнительная рекомендация: ни в коем случае не следует думать, что нервная система людей, побывавших в СССР, сохраняет и в последующем иммунитет к новым русским достижениям.

Например, мое выздоровление уже подходило к концу, когда я получил такую телеграмму из «Крокодила»: «Как вы представляете себе 1965 год в различных областях культуры, техники, быта и международных отношений в связи с новыми планами мирного строительства в Советском Союзе? Пожалуйста, используйте в любой форме ваше воображение».

Я честно попытался выполнить просьбу. Приняв во внимание достижения советских людей за четыре прошедших десятилетия и отпустив узду своего воображения, я попробовал представить себе жизнь в СССР после выполнения семилетнего плана.

И каков результат? Я пришел в такое возбуждение, что почувствовал: еще один полет фантазии — и у меня закружится голова.

Я знаю, что редакция «Крокодила» руководствовалась самыми лучшими намерениями, посылая телеграмму, и вовсе не хотела волновать меня. Но я открыто заявляю, что, пока советские врачи не создадут сыворотки, о которой я уже говорил, людям, побывавшим в вашей стране, такие вопросы задавать нельзя.

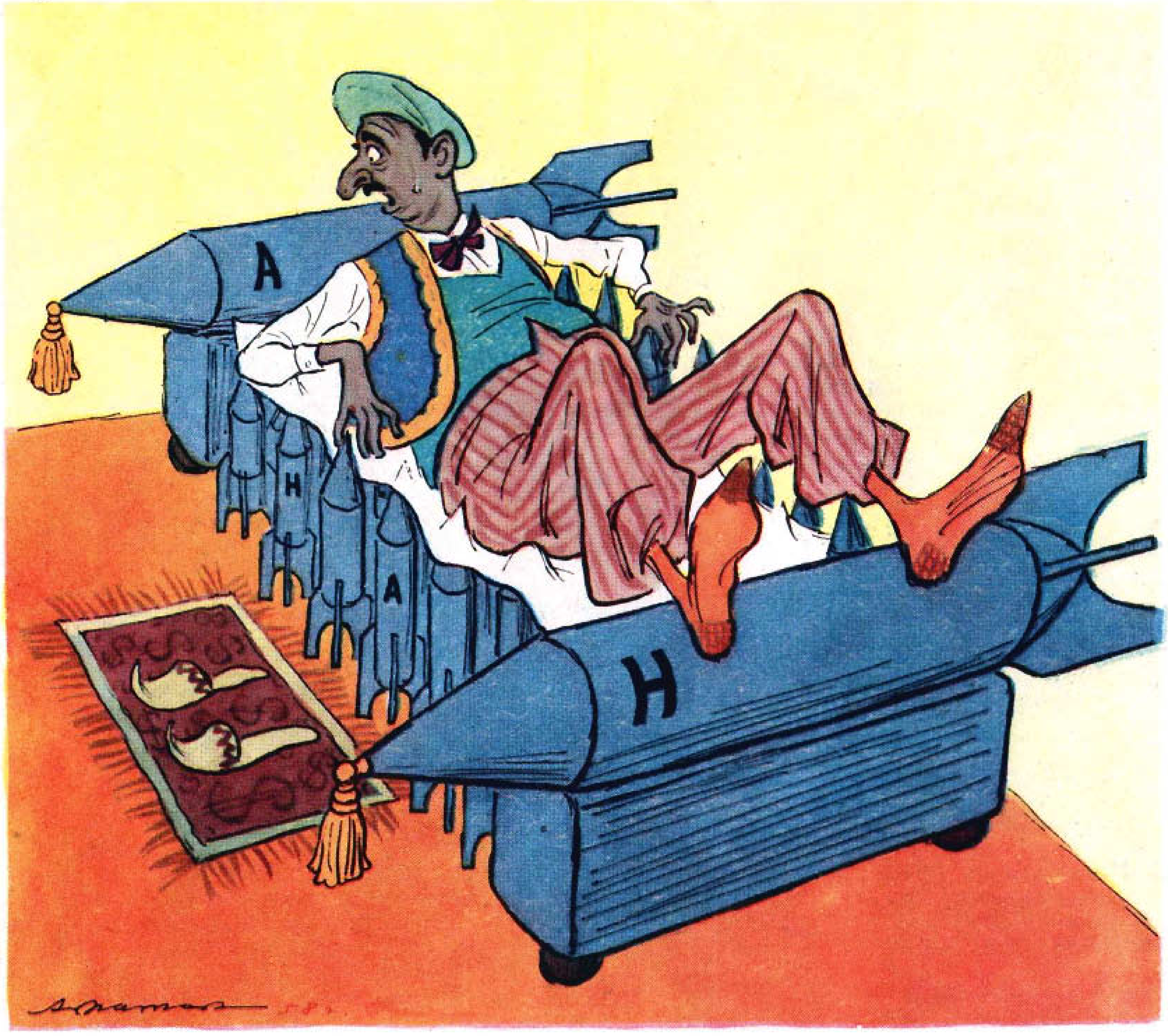
США. Калифорния.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Трассы строящихся французских нефтепроводов в Сахаре проходят через районы, где действуют отряды армии национального освобождения Алжира.

Техника безопасности на нефтепроводе через Сахару.

Рисунок М. АБРАМОВА.



Турецкий диван.

Ирена ТОМСКАЯ

МОЯ ЭММА

(ИЗ ДНЕВНИКА НАЧИНАЮЩЕГО АВТОРА)

15 декабря. Я счастлив: прочел в «Трибуне литерацкой» интервью с Ильей Эренбургом. Этот большой писатель открыл мне глаза. Наконец-то мне ясна причина моих неудач. Наконец-то я понял, почему редакции и издательства всегда отвергали мои произведения. А меня уж охватило неверие в собственный талант, я был близок к тому, чтобы надломиться самому и сломать свое перо. Какое счастье, что этого не случилось! Однако расскажу все по порядку. До сих пор каждое свое произведение, был ли это роман, новелла или юмореска, я обдумывал в мельчайших деталях. Я даже составлял списки героев будущего произведения, наделяя каждого из них биографией и персональной анкетой. Скоросшиватель на моем письменном столе разбухал от записок. Потом, располагая уже достаточным количеством точно очерченных образов, я приводил их в действие, заставляя говорить придуманные мною слова и выполнять указанные мною движения.

Ну и каков был результат всего этого? Один и тот же: редакторы журналов и рецензенты издательств единодушно заявляли, что героям моих произведений не хватает жизненности, что они надуманные и фальшивые, словно вырезаны из бумаги. Я обвинял критиков в необъективности и предубеждении. А в себе временами даже видел графомана. Как же я был глуп!

Теперь-то я знаю все. Я знаю, что за дело нужно браться совсем иначе. Итак, по словам Эренбурга, нужно позволить героям жить собственной жизнью, независимой от воли автора, который не имеет права управлять их судьбой.

Это во-первых. А во-вторых, в каждом герое есть частица индивидуальности автора. Говорят, что Флобер, когда его спросили, кто является прототипом Эммы Бовари, якобы заявил: «Эмма — это я».

Оба эти аспекта, взятые вместе, помогут мне освободиться от прежних ошибок. Я сейчас же усядусь за письменный стол. Для начала напишу коротенький рассказик о деятеле, пропагандирующем культуру. Тема злободневная и нужная. Герой самый положительный. А если мне еще удастся создать героя по собственному образу и подобию, если он будет жить, как ему самому нравится,— вот тогда-то наконец мое произведение вынуждены будут принять для печати.

16 декабря. Написал. Новелла называется «Светоч культуры». Неплохое заглавие, а? Кроме того, я присвоил герою имя «Адам». Это как бы реверанс в сторону Мицкевича. Однако ничего больше я герою не дал. Только это имя.

«Что касается остального, пускай Адам устраивается сам»,— подумал я, записывая первую фразу.

«Адам поехал на периферию, чтобы распространять культуру. Он должен был прочесть в маленьком городке ряд докладов о литературе. Когда он туда прибыл...»

На этом я прервал свой рассказ, ожидая, что Адам сам решит, как ему быть дальше.

Адаму захотелось пойти в ресторан пообедать. Я этот факт послушно зафиксировал. Адам потребовал селедку и четвертинку водки. Мне это не очень понравилось, но ничего не поделаешь: образу нельзя препятствовать. Итак, Адам выпил. Потребовал вторую четвертинку. Выпил. Потребовал третью. Тогда я попытался робко возразить.

— Адамчик,— говорю я ему,— может быть, хватит? Не забудь, через час у тебя доклад.

— Отвяжись,— отвечает мне Адам.— Я сам знаю, как мне поступать.

И действительно знал. Правда, ступал он довольно нетвердо, но кое-как добрался до клуба, где его уже ожидала публика. Вышел на эстраду. Развернул привезенный с собою манускрипт. Я уже с облегчением вздохнул, будучи уверенным, что теперь все пойдет хорошо, как вдруг Адам закукарекал. Так просто взял и закукарекал. Как петух. Стоял на сцене и кричал: «Кука-реку! Кука-реку!» От стыда я побагровел. Публика тоже, но уже от возмущения. Многие кричали: «Это безобразие! Что за издевательство! Вон его!» — и бросали в Адама огрызками яблок.

Этим я закончил свою новеллу. Она лежит передо мною переписанная набело. И я гордо смотрю на нее. Интересно, понравилась бы она Эренбургу? Нужно будет послать ему экземпляр журнала, когда произведение уже напечатают.

20 декабря. Произведение не напечатали. Так мне заявил редактор, присовокупив какие-то неясные аргументы о нездоровом звучании рассказа, об издевке над деятелями культуры, о нетипичности моего героя.

Но я не поддамся. Я буду бороться за свободу действий литературных героев! Да здравствует свобода!

Адамчик, пошли, выпьем. Ведь ты моя Эмма Бовари! Моя сладчайшая Эмма... Дай мордашку!

Перевел с польского
Н. МИЦКЕВИЧ.

НОВОЕ В БАСКЕТБОЛЕ

Чемпионат мира по баскетболу в Сант-Яго закончился полной победой советской команды. Однако руководители Международной баскетбольной федерации приняли удивительное по своей нелепости решение. Они аннулировали все очки советских баскетболистов за отказ от игры с никого не представляющей «командой Тайваня».

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Глухая защита.

АРАП НИКОЛАЯ ЩЕНКОВА

(ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО)

— Уважаемый гражданин судья! Уважаемые граждане народные заседатели!

Я вполне согласен с прокурором, но в своем последнем слове хочу высказать то, что лежит у меня на душе тяжким грузом.

Да, я действительно сломал копье, принадлежащее районному комитету физкультуры и спорта, и действительно сломал его о спину председателя упомянутого комитета Николая Ерофеича Щенкова.

Было бы бесполезно отрицать этот факт, когда вся тысяча посетителей нашего районного стадиона ясно видела, как я лупил Николая Щенкова копьем в самом центре футбольного поля. Да я и не пытаюсь отрицать свою вину.

Но разве не виновен Щенков?! Вы, гражданин судья, должны, по-моему, не только установить состав преступления, но и причины, его породившие. Так вот, причиной, толкнувшей меня на преступные действия, и было то, что Щенков разрушил мое личное счастье.

Дело в том, уважаемые граждане, что я влюблен... Простите меня за откровенность: такие неприятности происходили, вероятно, и с вами. И вот знакомство с Щенковым привело к тому, что любовь моя стала безнадежной.

А ведь как все хорошо складывалось! Лена улыбалась мне при каждой встрече. И улыбки ее становились все более задушевными и искренними... Но два обстоятельства помешали моему счастью: то, что я увлекался бегом на короткие и средние дистанции, и то, что Щенков стал председателем районного комитета физкультуры и спорта.

Ведь вы знаете, что раньше Щенков был гримером в районном Доме культуры. Он наклеивал фальшивые бороды и усы, приплетал фальшивые косы, покрывал щеки участников самодеятельности фальшивым румянцем и получал за это зарплату.

Когда же эта должность была сокращена, Щенков попытался податься в маляры. Но здесь была нужна работа натуральная, а не фальшивая. Разжалованный из маляров, Щенков менял одну профессию на другую и, наконец (неисповедимы пути твои, о председатель исполкома районного Совета!), очутился в должности председателя районного комитета физкультуры.

Как он тут развернулся! Когда в области проводились соревнования сельских физкультурников, Щенков вез нас — местных чемпионов. Когда намечалась спартакиада финансовых работников,— опять нас. Я не боюсь сознаться перед судом, что ездил на соревнования различных обществ по фальшивым справкам: и как заведующий сельским клубом, и как врач-терапевт, и как пожарник, и даже, простите меня, граждане заседатели, как заседатель народного суда.

Конечно, мы, районные чемпионы, без всякой радости выступали на скачках работников сберегательных касс или на соревнованиях по прыжкам с трамплина служащих отделов коммунального хозяйства, но Щенков убеждал нас, что это необходимо, что мы выручаем район, защищаем его честь.

К концу лета мы стали выдыхаться, да и спортивным судьям областных соревнований наши лица очень уж примелькались. На предпоследних соревнованиях мы заняли предпоследнее место. А через три дня были принуждены выехать в соседний район, где, как вы знаете, проходила спартакиада по летним видам спорта общества «Радуга». В тот день, когда мы выезжали на эту проклятую спартакиаду, солнце сияло высоким накалом, и Лена ласково улыбнулась мне вслед.

Увы, это была последняя улыбка...

В день соревнований заболели два члена нашей команды. Напряженное лето сломило их. И тогда меня вызвал Щенков. Гражданин судья, граждане народные заседатели! Я передаю разговор с ним слово в слово.

«Побежишь на четыреста»,— сказал Щенков.

«Но я уже выступал в трех видах,— ответил я,— а на этих соревнованиях один спортсмен может выступать только в двух видах спорта. Хорошо еще, что не поймали на третьем».

«Будешь выступать!— заявил Щенков.— Пойми, участников у нас не хватает. Ведь ты в состоянии бежать?»

«В состоянии,— ответил я,— да ведь заметят».

«Не беспокойся,— хлопнул меня по плечу Щенков.— Я что-то придумал».

Он долго уговаривал меня, и я наконец согласился.

Уважаемые граждане народные заседатели! Любовь, только любовь к району толкнула меня на этот рискованный шаг. Щенков повел меня в раздевалку и, посадив на стул, начал мазать лицо какой-то дрянью, приговаривая:

«Я загримирую тебя под испанца. Скажу судьям, что ты испанский ребенок, выросший в нашем районе. Заполним справку, дадим тебе имя, и побежишь, как миленький, на четыреста метров».

Так он и сделал. Тут же в раздевалке я получил звучное имя — Франческо Гарсия. Щенков не выпускал меня из раздевалки до самого старта: боялся, что обман будет раскрыт. Я верил в его искусство гримера и сидел в полутьме раздевалки, испытывая сильное жжение на своей физиономии и шее. Граждане, я подозреваю, что, не имея под руками грима, Щенков намазал меня смесью черного и желтого гуталина.

Затем я вышел на беговую дорожку. Меня допустили к старту. Выстрел! И вместе с моими соперниками я рванулся вперед.

Уже на первой стометровке я почувствовал, что мои глаза залиты чем-то едким. Я вынужден был остановиться... Это на четырехсотметровке-то, граждане! Протерев глаза, я ринулся дальше, но было поздно. К финишу я пришел последним.

А трибуны стадиона визжали, ревели, грохотали. Я не понимал причины такого оживления в публике и только у финиша взглянул на свою майку. Все прояснилось. Из белой майка превратилась в коричневую: мое испанское происхождение благодаря солнцу и поту переместилось с лица и шеи на майку.

Нашу команду с позором сняли с соревнований. Когда мы возвращались домой, Щенков всю дорогу сокрушался, что не захватил с собой хорошего грима.

Уважаемые граждане! Я приближаюсь к концу. Не буду рассказывать вам, что целую неделю за мной по улицам нашего районного центра бегали мальчишки. Как они узнали обо всем, не могу сказать. Но они носились за мной и орали что есть мочи: «Смотрите на арапа Николая Щенкова!»

Я молча сносил эти издевательства. Я стерпел даже тогда, когда на дверях моей квартиры появилась надпись: «Нет повести печальнее в районе, чем повесть о тебе как чемпионе!»

Но когда Лена, встретившись со мной, презрительно усмехнулась и перешла на другую сторону улицы, я не выдержал...

Я отправился на наш районный стадион. По дороге я выпил стакан вина. А на стадионе в присутствии тысячи зрителей сломал копье о спину Николая Ерофеича Щенкова.

Как видите, я признался во всем и не прошу снисхождения. Я прошу только одного, уважаемые граждане: обнародуйте стенограмму этой моей речи. Пусть поймет Лена, что арапом Николая Щенкова я стал только из любви к родному району, из любви к ней! Пусть поймут и мои друзья спортсмены, что Николая Щенкова даже на самую дальнюю дистанцию нельзя допускать к новой должности — председателя районного Союза спортивных обществ и организаций.

Записал Леонид **ВОРОБЬЕВ.**

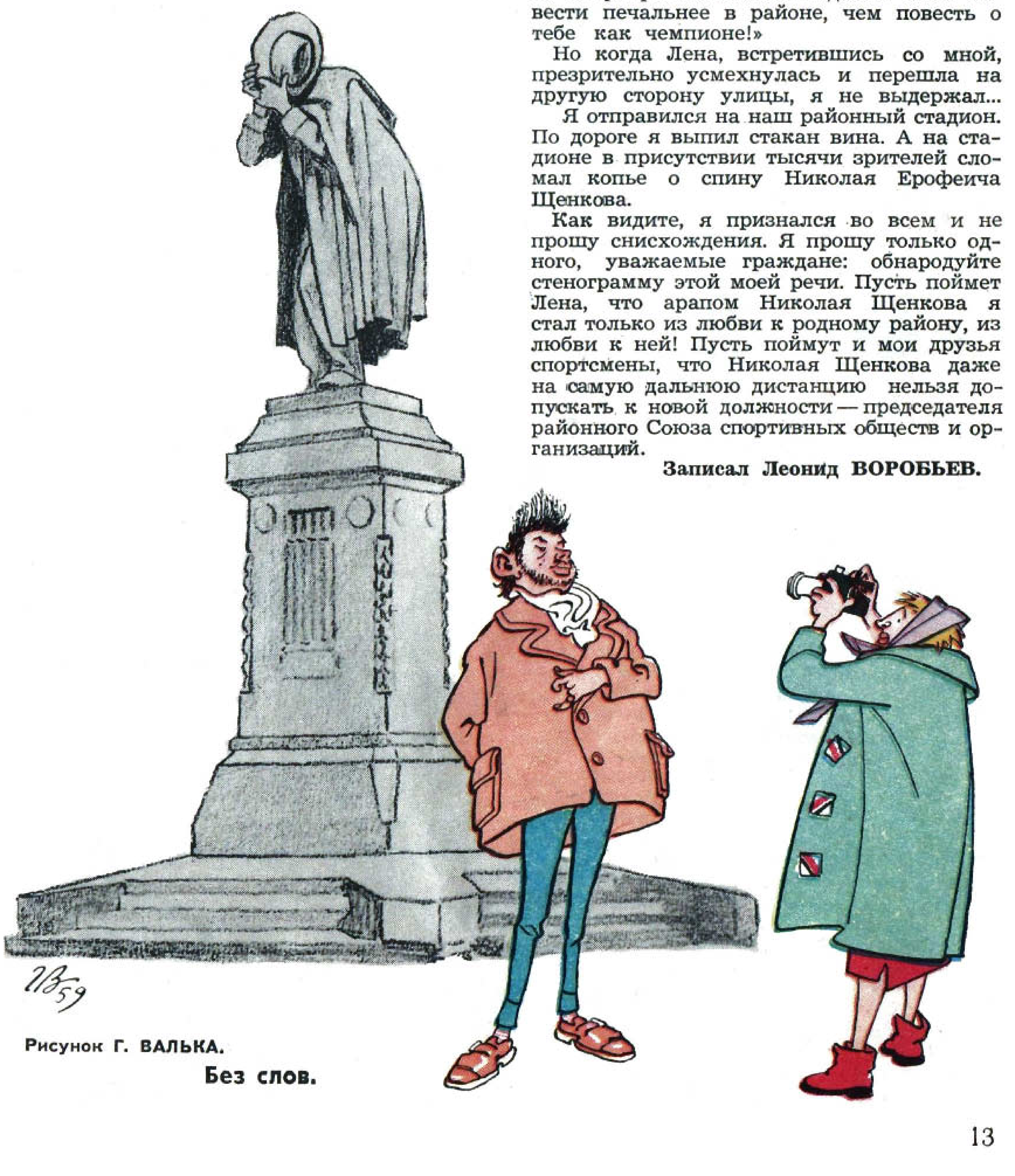


Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Без слов.

Рисунок Е. ГУРОВА.

Жертва Амура.

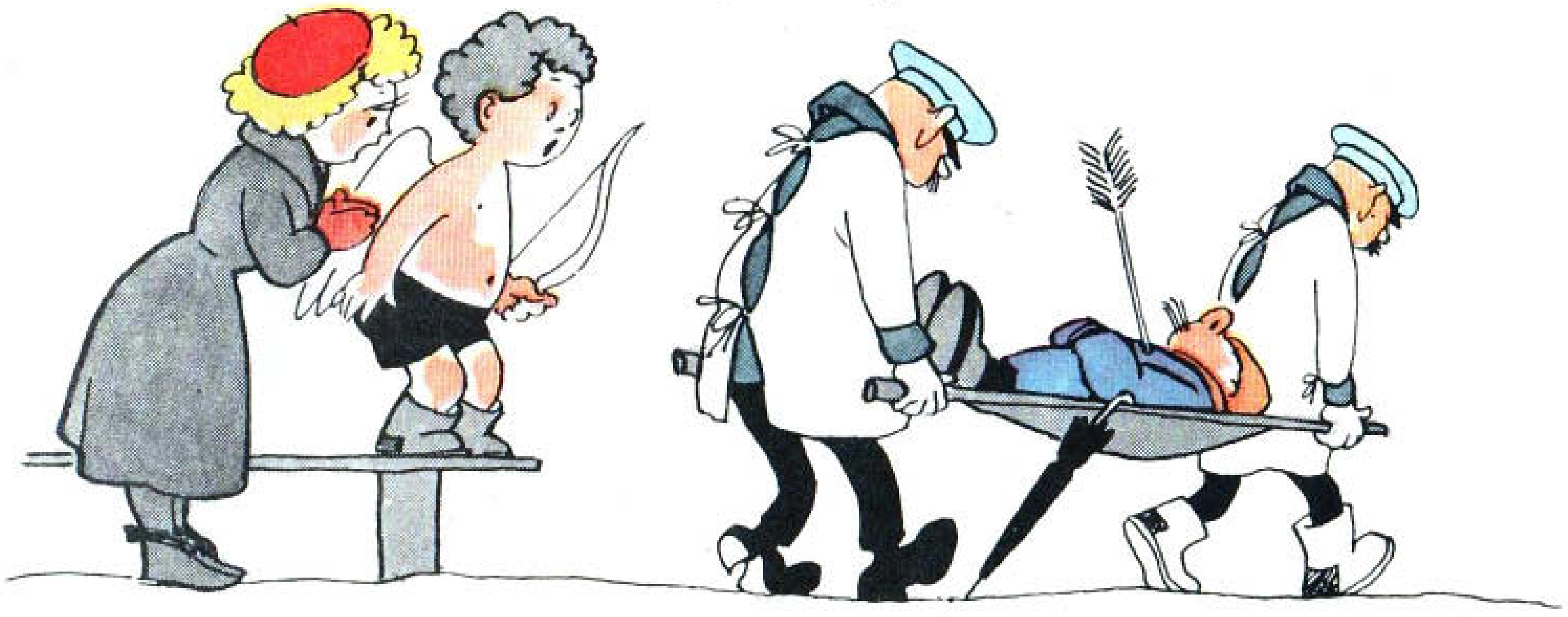


Рисунок Е. ПОЗДНЕВА.

— Господи, владыка живота моего!..

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Легкий жанр.

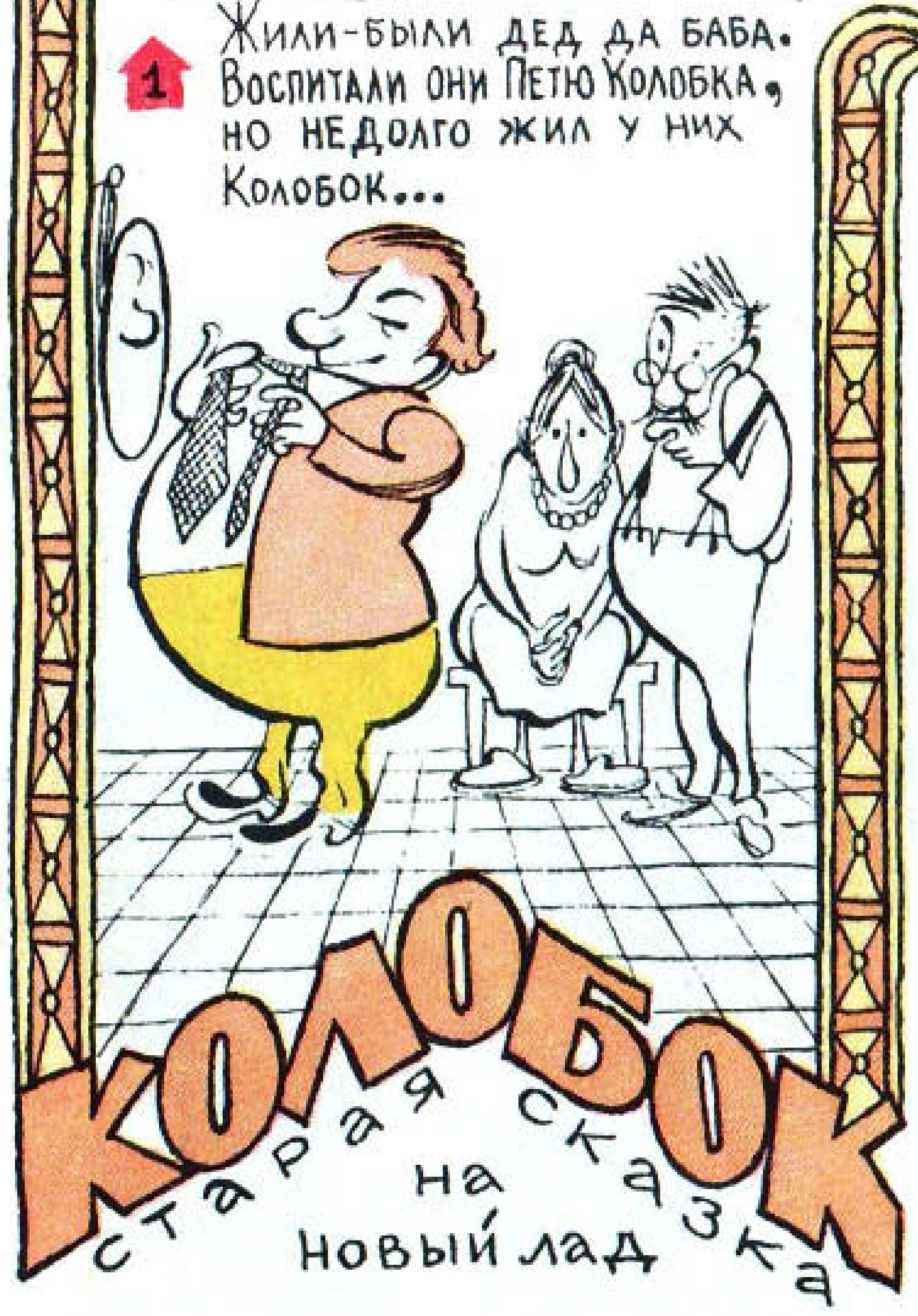
Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

Энтузиаст подледного лова.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

Перед увольнением в город.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.



Лектор

Сказал с трибуны он: —
Итак,
Я вам напомню суть доклада:
Куренье — наш исконный враг,
И, как с врагом, с ним биться надо!
Затем он взял воды стакан,
Обвел кулисы мутным взором,
Вздохнул, уселся на диван
И... затянулся «Беломором»...

Ю. БЛАГОВ

Поминки

Недавно умер смирный старичок,
Он водки в рот не брал (зато любил чаёк!),
Но вот родные сделали поминки:
Стояли литры, четвертинки,
Текла река
Из коньяка,
И в довершение картинки
Устроен был изрядный мордобой.
. . . .
А старичок любил покой!..

Н. КИРЬЯНОВ

г. Тула.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Один из наших читателей, народный судья Н. Н. Степанов из г. Омска, прислал в редакцию Крокодила любопытный документ, вопль оскорбленной души. Документ этот — заявление гражданина Рыдаева Леонтия Макаровича в народный суд. Публикуем его под заголовком...

В БЕСЧУВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ

Заявление

В середине августа прошлого года я, гражданин Рыдаев Л. М., вместе с другими членами строительной бригады нашего колхоза крыл крышу дома, где живет колхозница Насосова Любовь Ивановна. Поскольку эта работа производилась для гр-ки Насосовой бесплатно, как помощь со стороны колхоза, то она пожелала в благодарность угостить нас заранее подготовленной бражкой.

Вскоре все разошлись, а я еще оставался, поскольку перед этим поругался с женой и мне спешить было некуда. Гр-ка Насосова Л. И., зная об этом, стала со мною кокетничать. В моем пьяном мозгу впечатления усилились, я ослабел и принял решение остаться ночевать у гр-ки Насосовой.

Эта гражданка, будучи незамужней, воспользовалась моим ночлегом и пыталась разбить мою семью, для чего поддерживала меня в течение нескольких дней в состоянии опьянения.

Придя в себя через определенное время, я взвесил свой поступок, нашел его порочным и сразу же принял решение немедленно вернуться в семью.

Гр-ка Насосова Л. И. с целью воспрепятствовать моему возвращению в семью задержала у себя мои вещи, каковые ею присвоены и не возвращаются, несмотря на неоднократные просьбы. Среди этих вещей: телогрейка стоимостью почти 100 рублей, трусы сатиновые (почти новые) две пары стоимостью 30 рублей, майка стоимостью 12 рублей, и другие. А еще кровожадная гр-ка Насосова Л. И. потратила 615 рублей моих личных денег якобы на «свадьбу». Но я категорически опровергаю это. Никакой свадьбы не было, с моей стороны никто на ней не присутствовал, а просто приглашены были ее родственники и поила она их одной бражкой.

Кроме того, будучи в бесчувственном состоянии, я привез к ее квартире машину дров, стоимостью 200 рублей, каковую сумму также следует присудить мне.

Прошу справедливый советский суд разобрать мое заявление и решить вопрос возврата гр-кой Насосовой Л. И. нагло присвоенных ею моих вещей и денег. А также прошу для примера остальным женщинам строго наказать ее за морально-бытовое разложение и попытку увода меня от семьи.

К сему Рыдаев Леонтий Макарович.

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

Пускай потомкам станет в назиданье
Судьбина сослуживца моего:
Он вынес семь унылых заседаний.
С восьмого вынесли его.

В. КИСЕЛЕВ

г. Иркутск.

* * *

Внучка дедушку спросила, что такое сердцеед?
— Алкоголь,— ответил дед.

В. ВАСИЛЬЕВ

г. Брянск.

* * *

Баснописца слопал Волк —
Понимал он в баснях толк.

О. БУШКО

г. Смоленск.

* * *

Иван Петрович Болтаев, лектор, решил внести свой посильный вклад в дело борьбы с алкоголизмом. Вооружившись терпением и подшивками газет, он сочинил небольшую статейку о том, что пьянство — свинство, и снес ее в редакцию местной газеты. Опус был напечатан, автор награжден гонораром, о судьбе которого он и рассказал в вытрезвителе.

М. ЯРОВОЙ

г. Москва.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 00628. Изд. № 255. Подписано к печати 9/II 1959 г. Формат бум. 70×108 1/8. Заказ № 289. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л. 2 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

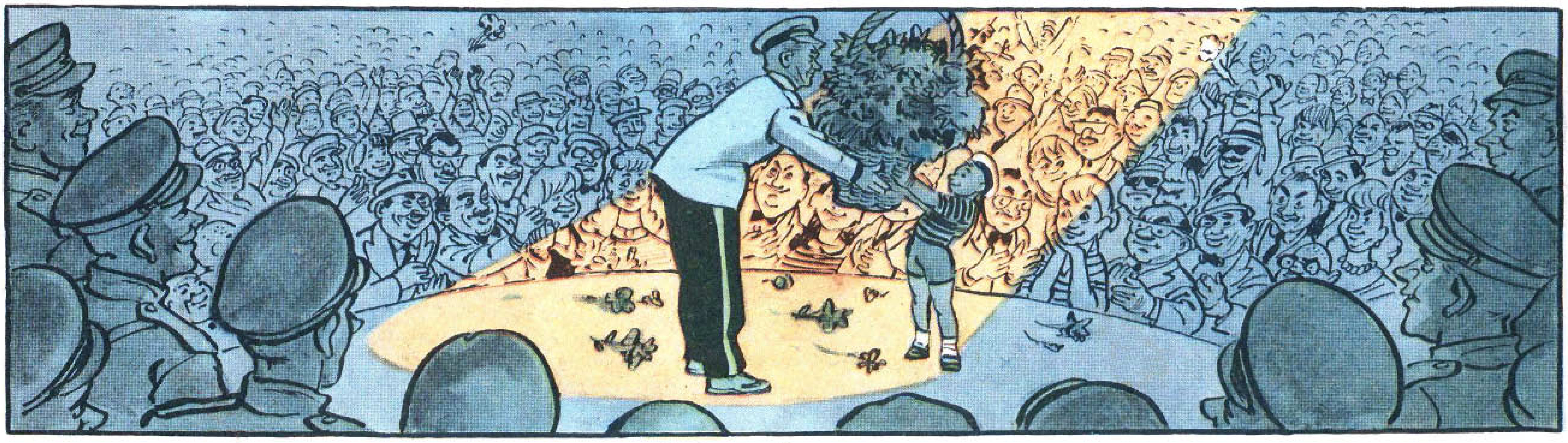
Отсканировал и обработал А.ЛЕБЕДЕВ

Старый Крокодил http://old-crocodile.livejournal.com

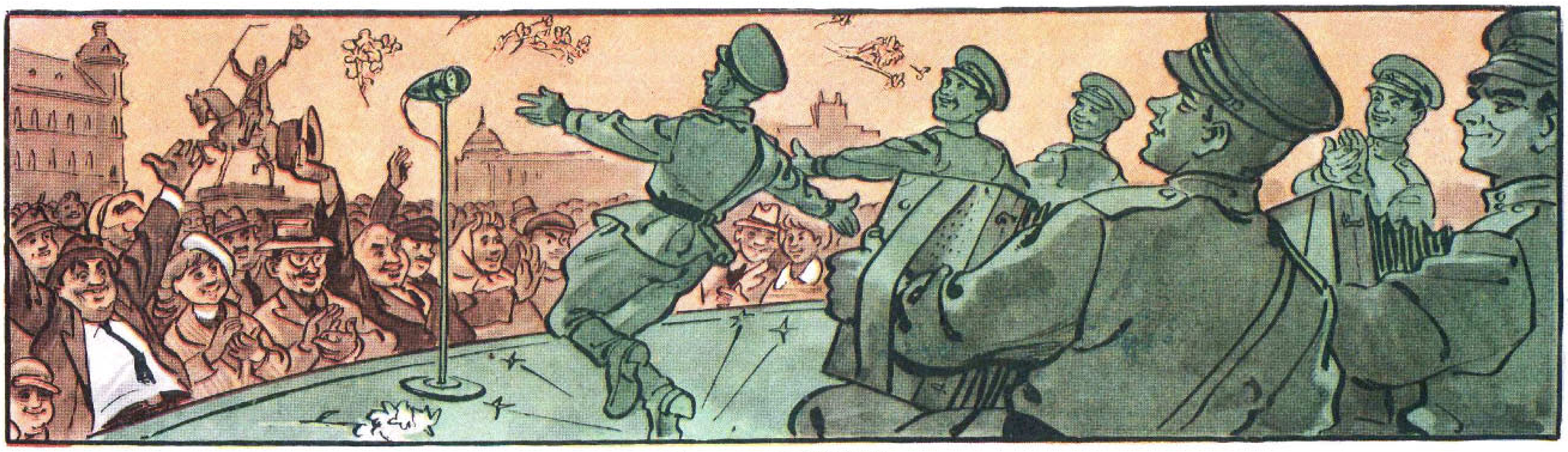
МИРНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Они покорили Париж.



Пленили Брюссель.



Завоевали Прагу.

Увезли с собой сердца лондонцев.